

В начале десятого месяца восьмого года эры Сиюань воздух заметно посвежел, вея первой осенней прохладой. Ся Чэнь закончил укладывать дорожные мешки — пришло время собираться в дальний путь к Императорской столице, навстречу столичным экзаменам.

Сами испытания, хуэйши, должны были начаться лишь во втором месяце, однако дорога от уезда Цинъян до столицы лежала неблизкая: только на путь предстояло потратить добрый месяц, а то и больше. К тому же ближе к зиме в столицу тянулись толпы успешно сдавших провинциальные экзамены цзюйжэней со всех концов Поднебесной. Все постоянные дворы и таверны оказывались забиты под завязку; опоздай ты хоть немного — и жилья по карману не сыщешь, так что многим бедолагам приходилось ютиться в пригородных монастырях.

Ся Чэнь и без того затянул с отъездом. Большинство собратьев по кисти сорвались с мест ещё в девятом месяце, едва завидя свои имена в списках выдержавших осенние испытания, и помчались в столицу без оглядки. В эти смутные времена любое дальнейшее путешествие превращалось в тяжелое испытание. Стоило в пути случиться какой-нибудь мелкой неприятности вроде внезапной хвори из-за непривычной воды и еды, как весь график летел кувырком. Опоздание на экзамен означало крах надежд: следующего шанса пришлось бы ждать долгие три года.

Сам Ся Чэнь, привыкший в прошлой жизни к благам скоростного транспорта, поначалу рассчитывал задержаться подольше — по его расчетам, выехать можно было хоть после Праздника весны. Однако наставник Мэн быстро выбил эту дурь из его головы. Вызвав ученика к себе, он устроил ему столь внушительную головомойку, что юноша послушно прикусил язык и уныло поплелся домой паковать сундуки.

На прежние экзамены в окружной и провинциальный центры его всегда сопровождал отец. Из всей семьи, не считая присланных из генеральского поместья дядьев, только господин Ся когда-то бывал в дальних краях. Ся Чэнь тогда был совсем юным, и отпускать его в одиночку туда, где нет ни одной знакомой души, домашние попросту боялись.

Но теперь, собираясь в Императорскую столицу, Ся Чэнь наотрез отказался от отцовского сопровождения. Господин Ся страдал от застарелого недуга ног, который неизменно обострялся с наступлением зимних холодов. Ещё в ту пору, когда маленький Юаньбао спал в одной комнате с родителями, он — вернее, его невидимая бесплотная ипостась, не знаящая сна, — своими глазами видел, как отец глухими ночами исходил холодным потом от невыносимой боли, искажавшей его обычно мягкое лицо.

Ся Чэнь долго уповал на то, что в Системе найдется какое-нибудь чудодейственное средство, способное поднять отца на ноги, но системный ассортимент упрямо крутился вокруг растениеводства. Среди мутировавших семян ничего путного для лечения суставов так и не выросло. Даже «Фруктовая кровь» — единственное доступное снадобье с заживляющими свойствами — после тщательной оценки Ся Тунбанем была признана бесполезной против хронической хвори пожилого человека.

На счастье, в свое время Ся Чэнь приобрел кулинарное руководство по виноделию, содержащее рецепты целебных настоек. Отыскав там особый рецепт лечебного вина для

разгона крови и прогрева каналов-цзинло, он понял, что это может облегчить отцовские муки.

Переписав рецепт, он поручил старшему брату съездить в аптеку за необходимыми травами и поставить настойку. Когда снадобье созрело, Ся Чэнь показал его дяде Ваню и дядюшке Лю Сы. Оба знающих бойца в один голос признали вино превосходным, и настойку незамедлительно преподнесли господину Ся. Результат превзошел все ожидания. Полностью излечить застарелую болезнь не удалось, но мучительные спазмы отступили. Теперь, если зимой отец укутывал ноги потеплее, суставы лишь глухо поднывали, но больше не доводили пожилого человека до полубморочного состояния.

Именно поэтому юноша проявил редкое упрямство, наотрез отказавшись брать отца с собой. Ся Чэню уже исполнилось семнадцать, а в следующем году пойдет восемнадцатый — по меркам его прежнего мира вполне зрелый возраст. Отцу же перевалило за пятьдесят, что для здешних мест считалось глубокой старостью. Только-только ноги старика пошли на поправку, и обрекать его на двухмесячную тряску в дороге было бы верхом сыновней непочтительности. Случись в пути рецидив хвори — и никакое звание первого столичного отличника-чжуаньюаня не смыло бы с души Ся Чэня клеймо вины.

Рассудив здраво, господин Ся уступил уговорам. Он и сам втайне опасался, что старая болячка разыграется в неподходящий момент, превратив его в обузу для младшего сына. Вместо подготовки к судьбоносным испытаниям мальчику пришлось бы дежурить у его постели — а ведь такое упущение могло сгубить всю его будущую карьеру.

Глава семейства решил доверить сопровождение сына одному из своих охранников — Ван У или Лю Сы. Оба они были родом из Императорской столицы, отличались недюжинной силой и жизненным опытом, так что лучшего прикрытия для неопытного юноши в долгой дороге было не найти. Случись что на бескрайних трактах — бывалый воин защитит и поможет, не дав пропасть без вести.

Дядя Ван и дядюшка Лю Сы охотно согласились на предложение. Служба в семье Ся по распоряжению генеральской усадьбы считалась почетной и щедро оплачиваемой командировкой: жалованье им выплачивали исправно, а об оставшихся в столице родственниках заботилось само ведомство. За долгие годы совместной жизни они искренне привязались к радушным хозяевам, платившим им неизменным уважением. Сопровождение молодого господина Ся в столицу не просто входило в их прямые обязанности, но и отвечало их собственным желаниям — ведь это была редкая возможность повидаться со своими семьями.

Из близких у Ван У оставался лишь старший брат, который давно ушел в поход под началом великого генерала Фу. А вот у Лю Сы в столице теплился семейный очаг — престарелая мать-вдова да младшие братья. Поразмыслив, Ван У благородно уступил эту поездку товарищу.

Изначально планировалось, что в путь отправятся только двое. Однако прямо перед отъездом к Ся Чэню робко приковылял Нань-гээр. Смущаясь и запинаясь, паренек признался, что всем сердцем мечтает увидеть Императорскую столицу.

Ся Чэнь горячо одобрил эту затею. Мир вокруг них был слишком тесен, и за всю свою жизнь Нань-гээр не выбирался дальше уездного центра. Далекое путешествие в самое сердце империи могло подарить юноше неоценимый опыт и расширить его кругозор.

Юноша лично замолвил словечко перед старшими членами семьи. Он резонно рассудил, что лишние рабочие руки в долгой дороге не помешают: дядюшка Лю Сы все же годился ему в отцы, и нагружать почтенного воина повседневными хлопотами было бы неловко, а расторопный Нань-гээр с радостью возьмет на себя заботу о багаже и прочих мелочах.

Этот довод убедил господина Ся, и тот со вздохом дал свое согласие. Справедливости ради, сам старик предпочел бы видеть спутником сына рассудительного Дун-гээра — его брат Нань-гээр отличался чересчур буйным и непоседливым нравом. Однако раз уж парень сам проявил инициативу, навязывать вместо него другого было бы несправедливо.

Таким образом, дорожная кавалькада сократилась до трех человек: самого Ся Чэня, Нань-гээра и дядюшки Лю Сы. Накануне отбытия молодой человек отправился наносить прощальные визиты родственникам по материнской линии и своему старому другу Сюй Хэлаю.

Весть о том, что Ся Чэнь удостоился высокого звания цзюйжэня, привела его родню по материнской линии в неописуемый восторг. Вторая сестра, Ся Иньцзи, буквально светилась от гордости. Дело в том, что в начале года её дочь, юная Синян, обручилась со вторым молодым господином из богатого семейства Дун, владевшего крупными шелковыми лавками по всему уезду. Состояние Дунов многократно превосходило скромный достаток семьи Яо, и столь блестящая партия для бесприданницы стала возможной исключительно благодаря блестящим успехам Ся Чэня. В глазах будущих родственников статус дяди-литератора служил лучшим залогом благородства семьи невесты.

Теперь же, когда Ся Чэнь возвысился до цзюйжэня, семейство Дун и вовсе горело нетерпением поскорее ввести Синян в свой дом. Однако расчетливая Ся Иньцзи твердо назначила день свадьбы на четвертый месяц следующего года. К тому времени должны проясниться результаты весенних императорских испытаний в столице. Если ее брату улыбнется удача, Синян переступит порог мужнего дома родственницей столичного чиновника, что обеспечило бы ей непререкаемый авторитет среди новой родни.

Впрочем, даже неудача в столице не умалила бы его заслуг: восемнадцатилетний цзюйжэнь — явление столь редкое, что во всем уезде Цинъян не сыскалось бы другого такого юного гения. Не выйдет сейчас — придет его время на следующих экзаменах.

Заглянув к дяде и понимая, что вряд ли успеет вернуться к свадебным торжествам, Ся Чэнь решил заблаговременно преподнести племяннице подарок к замужеству. Строго говоря, по неписаным законам приличия, неженатому младшему брату матери не полагалось собирать отдельное приданое — семейный дар Синян преподнесет госпожа Ся или невестка Цяонянь. Но Ся Чэнь всем сердцем сочувствовал тихой, ласковой девушке. Улучив минуту, он с глазу на глаз вручил ей небольшую деревянную шкатулку, где лежали несколько десятков серебряных лянов и изящный гарнитур украшений, купленный им во время экзаменов в провинциальной столице. Сумма была скромной, ведь подари он больше — и робкая девушка ни за что бы не

приняла столь щедрый подарок.

Закончив дела в деревне, Ся Чэнь поднялся на гору к храму Бессмертной Девы, чтобы попрощаться со своим давним товарищем Сюй Хэлаем. Они провели детство бок о бок. Для юного даоса Ся Чэнь всегда оставался тем самым названным братом-сверстником, о котором пишут в старинных повестях, сам же Ся Чэнь по-свойски считал долговязого послушника своим лучшим другом и верным соратником.

По правде говоря, поначалу Ся Чэнь относился к мальчику точно так же, как к двум своим племянникам — как к несмышленому дитяти, требующему опеки. Но шло время, Сюй Хэлай мужал, становился все более сдержанным, не по годам серьезным и теперь уже сам при каждом удобном случае старался подставить Ся Чэню плечо. Тому оставалось лишь диву даваться, как быстро вырос его вчерашний подопечный, и постепенно перестраивать общение на равную, дружескую ногу.

Проводя друга, Сюй Хэлай откровенно сокрушался о своей бедности. Благодаря его неустанным заботам маленький горный храм больше не прозябал в нищете, однако никаких ценных безделушек, достойных стать напутственным даром для уезжающего в столицу ученого, у молодого даоса не водилось. Обычные подношения вроде вяленого мяса или лесных ягод в дальнем путешествии стали бы лишь обузой, и мысли об этом лишили Сюй Хэлая покоя на несколько дней.

Ся Чэнь, знавший друга как облупленного, сразу разгадал причину его хмурого вида. С мягкой улыбкой он небрежно вытянул из стопки на столе несколько свеженачертанных бумажных талисманов:

— Подари мне это. Пусть берегут меня в пути, принося удачу.

— Это вовсе не талисманы спокойствия, — поспешно отозвался Сюй Хэлай, заметно оживившись. — Если ты не побрезгуешь, я начертаю для тебя настоящие, защитные.

— А это тогда что за знаки? — полюбопытствовал Ся Чэнь, разглядывая причудливую вязь киновари.

Видя живой интерес в глазах друга, даос с готовностью пустился в объяснения:

— Это талисманы очищения разума, они помогают унять тревогу и сосредоточиться. Я владею и другими техниками. Если хочешь, Юаньбао, я начертаю для тебя полный защитный круг.

— Ловлю на слове! — без лишних церемоний согласился Ся Чэнь. Он прекрасно понимал: вежливый отказ лишь усугубит терзания Сюй Хэлая, а вот скромный, но наполненный искренней заботой подарок позволит молодому даосу почувствовать себя полезным.

Написание священных талисманов требовало колоссальной сосредоточенности и духовных сил. Пусть обитель Бессмертной Девы давно обветшала, старый Сюй передал ученику истинное, неискаженное учение даосских патриархов. Даже над самыми простыми письменами вроде талисманов очищения разума приходилось трудиться часами, так что за весь день Сюй Хэлай успевал начертать от силы десятков листов.

И все же перед самым отъездом Сюй Хэлай вручил другу внушительную стопку свежей желтой бумаги, исписанной летящими алыми иероглифами. Одних только талисманов спокойствия там скопилось больше десятка, не говоря уже о редких защитных знаках иных видов.

Протягивая свой дар, юноша виновато опустил глаза:

— Моё мастерство еще слишком слабо, боюсь, в этих талисманах мало истинной силы...

— Ерунда, возьмем числом! — весело рассмеялся Ся Чэнь и по-дружески хлопнул даоса по плечу. Бережно уложив пачку в дорожную суму, он в последний раз поклонился собравшимся родственникам, взобрался на телегу и махнул рукой Ся Далану, который вызвался довезти путешественников до уездного центра.

Как и во время прошлых поездок на экзамены, путники предпочли не рисковать и внесли плату крупному торговому каравану, чтобы двигаться под его охраной до провинциального центра. Там они рассчитывали подыскать новое купеческое представительство, держащее путь на север.

Ждать у моря погоды времени не оставалось. Если бы попутный караван не подвернулся сразу, им пришлось бы двигаться самостоятельно: до Праздника весны оставалось всего два месяца, и застрять на полпути в канун новогодних торжеств было бы верхом безрассудства.

Их странствие затянулось на долгие сорок девять дней. Сперва они шли бок о бок с торговым караваном, но затем, не найдя подходящих попутчиков, наняли на постоялом дворе старую карету и несколько дней кряду изнывали от нещадной тряски на разбитом тракте.

Не обошлось и без дорожных происшествий. На глухом, поросшем бурьяном проселке перед ними внезапно выросла кучка оборванцев. Заросшие дикими бородами разбойники с истошными криками вывалились из кустов, до смерти напугав Ся Чэня, который как раз выбрался на козлы подышать свежим воздухом и от неожиданности едва не полетел кувырком под колеса.

Дядюшка Лю Сы проявил выучку профессионального латника из генеральской свиты. Прежде чем Ся Чэнь успел опомниться и вступить в переговоры с нападавшими, воин с непроницаемым лицом приказал юноше укрыться в повозке. Осадив коней, он одним слитным движением выхватил из ножен тяжелое лезвие и ринулся навстречу грабителям.

Юноша, впрочем, отсиживаться не пожелал. Знаком велел Нань-гээру приоткрыть край

занавески, он вытащил Вечную рогатку, зарядил глиняный шарик и, прищулив левый глаз, дважды спустил тетиву. Ближайший грабитель взвыл, хватаясь за огромную шишку, мгновенно вздувшуюся на его лбу. К этому моменту дядюшка Лю Сы уже уложил двоих нападавших плашмя. Увидев это, уцелевшие разбойники бросились врассыпную, а те, кто не успел унести ноги, рухнули на колени, истошно завывая: «Пощади, батюшка!»

Раздав негодьям по паре увесистых пинков, дядюшка Лю Сы как ни в чем не бывало вернулся на козлы. Нань-гээр смотрел на наставника с неприкрытым восторгом — парень столько лет усердно тренировался, но до сего дня ни разу не участвовал в настоящей схватке. Взахлеб нахваливая силу учителя, он вдруг вспомнил об уцелевших оборванцах и с недоумением спросил, почему тот отпустил их с миром. По мнению юноши, подобных негодяев следовало скрутить и сдать под конвоем уездному судье.

Снаружи свирепствовал ледяной ветер, и Лю Сы не пожелал тратить слова попусту, дабы не наглотаться морозного воздуха. Кивнув в сторону салона, он сухо бросил:

— Спроси у своего младшего дяди.

Нань-гээр нырнул обратно в карету, где Ся Чэнь неторопливо разъяснил ему суть дела:

— Те нападавшие хоть и казались рослыми, но были худыми как щепки, а их лохмотья едва прикрывали наготу. Да и в руках они держали не боевые клинки, а обычные мотыги да серпы — верный признак того, что перед нами обычные пахари, доведенные голодом до отчаяния. Настоящие лиходеи не станут грабить с садовым инвентарем. Если бы на этих бедолагах висела чужая кровь, дядюшка Лю ни за что не отпустил бы их живыми.

Нань-гээр слушал, прикусив губу и хмурия лоб. Видя, что парень все еще сомневается, Ся Чэнь решил разложить все по полочкам — благо посторонних ушей рядом не было.

— В нашем уезде Цинъян последние правители отличались умом и расторопностью, — мягко заговорил Ся Чэнь. — Пусть они не были кристально честными праведниками, но и в ненасытных тиранов не превращались, оттого и на наших землях царил относительный покой. В других же округах дела обстоят куда плачевнее. Когда властные кресла занимают корыстолюбивые глупцы, а небо насылает засуху или наводнения, у простого люда не остается иного выбора, кроме как уходить в леса да промышлять разбоем, спасая свои семьи от голодной смерти.

Выслушав это, Нань-гээр надолго затих, погрузившись в глубокие думы.

Добравшись до ближайшего крупного узла связи и вернув арендованный экипаж владельцам, путники вновь поймали птицу удачи за хвост. Им посчастливилось прибиться к богатому купеческому каравану, конечной целью которого значилась сама Императорская столица.

Путешествие под надежной охраной купеческих стражей растянулось почти на месяц. Лишь в

самом кону двенадцатого месяца, под занавес уходящего года, когда в воздухе уже отчетливо пахло предпраздничной суетой, дорожная пыль улеглась перед величественными воротами Императорской столицы.

<http://bllate.org/book/18260/1761208>